

ЗАДАНИЯ ОТБОРОЧНОГО ЭТАПА ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 11 КЛАССА

1. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА (прозаический ИЛИ поэтический
– выбор участника олимпиады)**

Вариант 1

И.А.БУНИН

КОСЦЫ

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее - и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки.

Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь срединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня... Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой - или благословенной - богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели.

Они были «дальние», рязанские. Они небольшой артелью проходили по нашим, орловским, местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, еще более плодородных, чем наши. И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были «охочи к

работе», несознанно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, - в обычае, в повадке, в языке, - опрятной и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами.

Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополудновавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, - так долго, так сладко, как пьют только звери да хорошие, здоровые русские батраки, - потом крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведенными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового.

Я сказал:

- Хлеб-соль, здравствуйте.

Они приветливо ответили:

- Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

- Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» - подвигались по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть мам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами - и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем западе, этим снежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы

были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была - Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России и с той непосредственностью, с той несравненной легкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось - человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздохнуть, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи. Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по- своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса.

Конечно, они «прощались, расставались» и с «родимой сторонешкой», и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:

Ты прости-прощай, любезный друг,

И, родимая, ах да прощай, сторонешка! -

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной.

Ты прости-прощай, любезная, неверная моя,

По тебе ли сердце черней грязи сделалось! -

говорили они, по-разному жалуясь и тоскуя, по-разному ударяя на слова, и вдруг нее разом сливались уже в совершенно согласном чувстве почти восторга перед своей гибелью, молодой дерзости перед судьбою и какого-то необыкновенного, всепрощающего великодушия, - точно встряхивали головами и кидали на весь лес:

Коль не любишь, не мил - бог с тобою,

Коли лучше найдешь - позабудешь!

и по всему лесу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность их голосов, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ах, коли лучше найдешь - позабудешь,

Коли хуже найдешь - пожалеешь!

В чем еще было очарование этой песни, ее неизбывная радость при всей ее будто бы безнадежности? В том, что человек все-таки не верил, да и не мог верить, по своей силе и непочатости, в эту безнадежность. «Ах, да все пути мне, молодцу, заказаны!» - говорил он, сладко оплакивая себя, Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги. «Ты прости-прощай, родимая сторонушка!» - говорил человек - и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг - беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. «Закатилось солнце красное за темные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!» Закатилось мое счастье, вздыхал он, темная ночь с ее глушью обступает меня, - и все-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитячко!» - И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его «по его младости». Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные тони болотные, носки летучие - и прощал милосердный бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...

Еще одно, говорю я, было в этой песне - это то, что хорошо знали и мы и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие - и невозвратимые. Ибо всему свой срок, - миновала и для нас сказка: отказались от нас паши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи - и настал конец, предел божьему прощению.

Париж. 1921

Вариант 2

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

- Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями,-
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана -
Прольется пламенной смолой.

- Пока жива, с тобой я буду -
Душа и кровь неразделимы,-
Пока жива, с тобой я буду -
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду -
Ты понесешь с собой, любимый,-
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

- Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
- За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба - я и ты.

- Но если я безвестно кану -
Короткий свет луча дневного,-
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
- Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,

Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всею кровью прорастайте в них,-
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

1932

**КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ
ОТБОРОЧНОГО ЭТАПА ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 11 КЛАССА**

Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов. Шкала оценок: 10 – 15 – 20 – 25

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность.
Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 5 – 10 – 15 – 20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

4. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Если в среднем более трех ошибок на страницу текста, работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1 – 2 – 3 – 5

Дополнительно оценивается:

5. Наличие оригинальных и вместе с тем обоснованных наблюдений, формулировок, параллелей. При наличии дополнительных баллов нужна мини-рецензия.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

Итого: максимальный балл – 70

2. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Напишите связный текст литературоведческого или историко-литературного, или учебного, или публицистического характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов (словосочетаний):

лиризм повествования, «печальная драма», режиссер Юрий Грымов, русская душа Якова, иллюстрации Б. М. Кустодиева, проблема поколений, Московский театр под руководством Олега Табакова, нравственный максимализм, лаконизм и философская насыщенность, «тайный» психологизм.

Приступая к работе, сначала придумайте и кратко письменно объясните, где и как мог бы быть использован этот текст, определите жанр сочинения. Старайтесь выбрать стиль текста в соответствии с задуманным жанром. Закончив работу, подчеркните в тексте слова и словосочетания из приведенного списка.

**КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ТВОРЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ ОТБОРОЧНОГО
ЭТАПА ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 11 КЛАССА**

1. Уместность и корректность употребления приведенных в задании слов (словосочетаний) – по 1 баллу за слово (словосочетание).

Максимально 10 баллов.

2. Соответствие выбранного учеником жанра композиционно-стилистическому воплощению текста.

Максимально 5 баллов.

3. Знакомство с историко-культурным и теоретико-литературным контекстом и умение ориентироваться в них.

Максимально 5 баллов.

4. Связность и стройность работы, точность и выразительность речи, разнообразие синтаксических конструкций.

Максимально 5 баллов.

5. Оригинальность работы (необычность замысла и воплощения, неожиданность ассоциаций, интересные находки, оригинальность «сюжета», стилистическая свежесть и т.п.)

Максимально 5 баллов.

Итого: максимальный балл – 30 баллов

